

В мире компонентов нет эквивалентов.

Веничка Ерофеев

При переводе следует добираться до непереводимого.

Иоганн Вольфганг фон Гете *

* *Beim Übersetzen muß man bis ans Unübersetzliche herangehen.*

Из „Maximen und Reflexionen”.

Содержание

НА СКРИЖАЛЯХ	<u>8</u>
ПРЕДИСЛОВИЕ	<u>10</u>
ЧАСТЬ I. ПОЧУВСТВОВАТЬ ПРОФЕССИЮ	<u>14</u>
К основаниям метода	<u>16</u>
Зачем и для кого эта книга	<u>16</u>
• Задача переводчика (16) • Цель книги (16) • Кому она предназначена (17) • О терминах и теории (17) • О т.н. чувстве языка (18) • К постановке переводческого мышления (18)	
Труден ли перевод, и в каком смысле?	<u>19</u>
• Пример для сильных духом (19) ⇒ Текст: <i>Sluta låtsas att en klassisk regering är möjlig</i> (19) • В чем истинная трудность? (21)	
Об уникальности и «неисчерпаемости» концептов	<u>23</u>
• Концепты не взаимопереводимы (23) • На уровне лексики (23) • Миф об эквивалентности (24) ⇒ Экскурс: <i>Об «эквивалентах»: svag</i> vs. <i>слабый</i> (252) • На уровне текста (26) • Утилитарный текст vs. авторский (26) • Текст как произведение (27)	
О непереводимости и концептуальном подходе к переводу	<u>29</u>
• Переводи не слова, а смысл (29) ⇒ Экскурс: <i>Не буквой единой: att göra sannolikt</i> (254) <i>Перестаньте переводить!</i> (258) • О природе переводческого мышления (29) • Переводчик как профессиональный деформант (30)	
Концептуальный подход к переводу в примерах и комментариях	<u>33</u>
О концептуальности переводческого мышления	<u>33</u>
• Почти безвыходный каламбур: <i>Ikea möblerar om</i> (33) ⇒ Экскурс: МÖBLERA ОМ? Это же просто (260) • Еще один миф: зависимость от контекста (36) • Еще о концептуальном подходе (37) • А с практической стороны? (38)	
• Когда A ≠ A: спектакулярный пример ⇒ Текст: <i>Jag är ledsen att säga...</i> (38)	
• Значение есть концептуализация (40) Концепт 'SPEKTAKULÄR' (41) ⇒ Экскурс: 'SPEKTAKULÄR': реализации концепта (268)	
О чувстве языка и концептуальном тренинге переводчика	<u>42</u>
• Гиганты против великанов: <i>No synonyms!</i> ⇒ Пример: <i>Рå giganternas axlar</i> (43) • И снова 'SVAG', или откуда берутся несловарные значения (44) • Не бывает дословного перевода, или Как кричат призраки ⇒ Пример: <i>att gasta</i> (46) • Что «значит» <i>mönster?</i> (48) ▼ <i>Skarp</i> vs. <i>острый</i> (48, 193) • Слово заимствуется, концепт – нет (50)	

Между реалией и общеязыковой лексикой	<u>52</u>
⌚ Пример: <i>hon promoverades till filosofie doktor</i> (52) • Реалия как элемент концепта текста (54) • Почему бы не заимствовать? (55) • Существо концепта 'PROMOVERA' и его смысловой потенциал (58) ⌚ Примеры: <i>Promovera: больше, чем «возведение в ученую степень»</i> (59)	
Непереводимо всё!	<u>63</u>
• Непереводимость ≠ безэквивалентность (63) ▼ <i>Flygskam</i> : пример переводимого неологизма (277) • В самом ли деле безэквивалентная лексика трудна для перевода? (64) • Еще раз о концептуальной неизоморфности (65) ▼ А как по-шведски яркий? (65) ▼ Что «значит» <i>gång</i> ? (66) ▼ <i>Triangulera</i> : однозначный термин? (66) • Словарные эквиваленты – только вершина айсберга ▼ <i>kaxig</i> : еще пример безэквивалентности концепта (67) • О pragmaticальных параметрах концептуализации (70)	
О природе непереводимости на уровне текста	<u>72</u>
⌚ Текст: <i>Le stort och sälj dig själv</i> (72) • О концепте текста (73) • Развивая тему ⌚ Текст: <i>Sluta låtsas att en klassisk regering är möjlig</i> – полный разбор (74) • Текст как речевое произведение / 2 (77) • Подстрочник: какой ни на есть, а все-таки перевод (78) • Дополняя подстрочник (81) • От подстрочника к переводу (85) • Реконструируя смысл (86) ⌚ Экскурс: GÄNG (270) • <i>Nothing is literal. Ever</i> (90) • Еще реалии, и что с ними делать? (94)	
Предварительные итоги	<u>97</u>
ЧАСТЬ II. МАСТЕР-КЛАСС	<u>99</u>
Все в одном. Текст <i>I hala ålars sällskap</i>	<u>100</u>
Рекомендации по работе над переводом	<u>107</u>
• Перед прочтением текста (107) • Прочтение (107) • Перевод (113)	
Разбор перевода	<u>119</u>
Контекст публикации	<u>121</u>
Обзорное прочтение текста	<u>123</u>
• Образ текста (123) • «Пункты внимания» (124) ▼ Список «трудностей» (125) • Об источниках (126)	
Пристальное чтение и перевод	<u>128</u>
▼ Рубрика. Перевод композитов. Об оптимальном выборе (129) ▼ Жанр. Осторожно, словарь! (131) ▼ Заголовок. О пословицах и поговорках. Не без потерь (132) ▼ Аббревиатуры. О транскрибировании (135) ▼ Врезка в составе целого (136) ▼ Об именах (137) ▼ Терминологические элементы. О множественности вариантов. Точность vs. просодия. Не копировать синтаксис (137) ▼ О «свернутых» названиях (139) ▼ Фразеологизмы. Распознавание.	

Метонимические переносы, переиначивания. Зоометафоры и связность текста. Не по словарю, а по смыслу (140) ▼ Сложное слово: распознавание модели и «метонимический» перевод (145) ▼ Еще звериные метафоры. Еще о распознавании идиом (146) ▼ Другие идиоматические выражения в этом тексте. Технология перевода. Соответствия редки, бывают ложные друзья. Каламбурные и метонимические осложнения. «Контекстуальные идиомы» (148) ▼ Сочетание несочетаемого и бессилие словаря (156) ▼ Имена и названия: смысловые предпосылки передачи (157) ▼ «Вытягивание» тема-реторической структуры. Прагматические факторы выбора (159) ▼ Мотивированное опущение – и восполнение. Сохранить интонацию? (160) ▼ Окказиональные композиты. Категоризация vs. характеризация. Словарные композиты vs. несловарные. И у однозначного термина могут быть варианты перевода. Термин vs. выражение терминологического характера. Когда $1 + 1 \neq 2$. Пути поиска. Несловарный, но не окказиональный. Если основы больше двух. О смысловой связи между компонентами композита (162) ▼ Внутритекстовая иерархия терминов. «Локальные» термины (168) ▼ Как «сложить» смысл композита. О примате «контекста» над словосложением (170) ▼ Термины специальные и «общезыковые». Метонимическое стяжение термина. Перевод термина и факторы стиля. Термин и концептуализация (174) ▼ Капризы управления (180) ▼ Еще о распознавании фразеологизмов. О неавтономности смыслов (181) ▼ Русская стилистическая норма жестче. Переводчик как редактор (181) ▼ Отойти, чтобы приблизиться (182) ▼ Об объединении и членении предложений (183) ▼ Смысловые основания выбора конструкции (184) ▼ Перевод в контексте связности (185)

Заключение	<u>186</u>
Часть III. Приложения	<u>189</u>
Методологические дополнения	<u>190</u>
О ключевых понятиях концептуального подхода к переводу	<u>190</u>
• Концепт, идея слова, концептуализация, непереводимость (190) ▼ Кейс-стади: 'СВЕТ' (194)	
• Пропозиция и значение vs. Прагматика и смысл (198)	
Нехудожественный текст	<u>200</u>
Единственно верный вариант?	<u>202</u>
Об источниках	<u>204</u>
• О пособиях по теории перевода (204) • О пособиях по практике перевода (207) • О т.н. предпереводческом анализе текста (211) • О словарях (213)	
▼ Двуязычные -> Общие. Лексика нехудожественных текстов. Технические, отраслевые (216) ▼ Одноязычные (223) • Источники фоновой информации	

(225) ▼ Энциклопедические. Тематические (225) • Параллельные тексты (228) • Как отыскать неотыскаемое (230)

Параллельные тексты	<u>239</u>
Ikea möblerar om	<u>240</u>
Le stort och sälj dig själv	<u>241</u>
Sluta låtsas att en klassisk regering är möjlig	<u>243</u>
I hala ålars sällskap	<u>246</u>
Экскурсы в концептуальный анализ	<u>250</u>
Об «эквивалентах»: SVAG vs. СЛАБЫЙ	<u>252</u>
Не буквой единой: ATT GÖRA SANNOLIKT	<u>254</u>
MÖBLERA OM? Это же просто	<u>260</u>
SPEKTAKULÄR: реализации концепта	<u>268</u>
Случайно вместе: GÄNG	<u>270</u>
ПРИМЕЧАНИЯ	<u>275</u>
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	<u>275</u>

На скрижалях

- Переводи не слова, а смысл.
- Смысл не равен значению. Он не сводится к прямому и буквальному содержанию, а произведен от всех прагматических параметров речевого акта и обитает в оговариваемой ситуации.
- Избегай буквализма. Не подчиняйся диктату чужого синтаксиса и чужой семантики. Не верь друзьям.
- Не старайся переводить предложение в предложение. Распределяй смысл в пределах абзаца, иногда – в пределах целого текста.
- Научись делать «моментальный снимок» текста: видеть его жанровые, стилистические и технические особенности «с высоты птичьего полета». Производи настройку своих переводческих установок в соответствии с этим.
- Представь того, кому адресован текст. Выбирай манеру, стиль, уровень сложности отбираемой лексики и синтаксиса, учитывая адресата.
- Перевод есть работа понимания. Не понимаешь – не переводи. Умей пользоваться справочниками. Дай себе труд разобраться в предмете, хотя бы на функциональном уровне. Это относится как к техническим текстам, так и к предметной области текстов общественно-политического характера.
- Изучай дискурс отрасли, к которой относится переводимый текст. Ты должен говорить на языке, который работники отрасли могут признать своим.
- Используй все виды помощи, какие тебе доступны: словари, энциклопедии, интернет. Храни старые переводы. Хороший архив облегчает работу. Еще лучше – электронный индексированный архив или программы типа памяти переводов (ТМ).

- Даже если в словаре найдется только одно слово, только один термин, только одно трудное или редкое выражение, приобрести его. Не полагайся только на словари. Они не помогут, если не состоялось общее понимание текста. Если состоялось, тоже, возможно, не помогут. Пользуйся специлтературой, текстами сходной тематики, толковыми словарями и специализированными гlosсариями.

- Обращай внимание на то, как оформляются всякого рода документы: юридические, технические, научные, отчетные, презентационные. Отмечай, какие элементы и типовые формулы они содержат, какие сокращения в них приняты.

- Будь любопытен. Качество твоих переводов находится в прямой зависимости от твоей образованности, начитанности и общей культуры.

- Переводчик – не специалист по гидравлике, международным отношениям, медицине, электронике, гражданскому праву, кулинарии и бог знает чему еще: он профессионал в области перевода. Вместе с тем, совершая работу понимания, он владеет азбукой культуры: не знать, как работает телевизор, для него не менее странно, чем не знать, где находится Панамский канал.

- Не бывает совершенных текстов. Ни один текст не несет в себе всей информации, необходимой для его полного понимания. Не страшись вносить корректизы, если уверен в своей правоте. Перевод нехудожественного текста может – и часто должен – быть лучше оригинала.

- Изучай работу профессионалов. Сопоставляй параллельные тексты и узнавай, «как это сделано».

- Не высовывайся. Переводчик не соавтор, а посредник.

Предисловие

Перевод – это не преобразование текста на языке «А» в текст на языке «Б» со словарем и грамматикой, а воспроизведение смысла во всей его прагматической полноте. В одном этом тезисе заключается, пожалуй, суть когнитивного или концептуального подхода к переводу.

Автор не обещает сделать из вас первоклассного мастера перевода, – многое зависит от вашей предрасположенности к этому роду занятий и ваших амбиций, – но готов пообещать, что, проработав эту книгу, вы почувствуете профессию. Эта установка радикально отличает ее от других пособий по переводу.

Ее содержание не сводится к инвентаризации способов перевода, так называемых трансформаций. При всей своей практической ориентации, это не рецептурный справочник, не перечень приемов из комплекса «умений», именуемых переводческой компетенцией, и не сборник анекдотических примеров и блестательных находок и поучений «из творческой мастерской». Книга посвящена постановке профессионального переводческого мышления.

Его доминанту составляет установка на «непереводимое в переводе», неизменная настройка на схватывание уникальной концептуальной специфики чужого слова, конструкции, содержательной формы речевого произведения – будь то утилитарный текст, чья форма подчиняется жанрово-стилистическим конвенциям исходного языка, или публицистический, языковая форма которого организована авторским замыслом.

Никакая единица чужого языка, будь то слово, фразеологизм или конструкция, по своей идее или концепту, – а значит, смысловому потенциалу и поведению в речи, – не тождественна какой-либо единице своего, и в этом смысле (но только в этом) «непереводима». В установке на «перевод непереводимого» нет ничего мистического. Речь идет о воспроизведении уникальных смыслов, не лексикализованных и не грамматикализованных в языке перевода и потому не передаваемых готовыми лексико-грамматическими средствами. Эта установка принципиально ограничивает возможность дословного перевода.

В книге последовательно реализуется концептуальный подход к переводу. Техника перевода в этой перспективе – это не набор приемов,

а техника понимания смысла текста и преодоления «непереводимостей». Воссоздавая смысл, переводчик регулярно оказывается в ситуации, когда имеющиеся в его распоряжении готовые лексические и грамматические средства – словарные «эквиваленты» и стандартные «трансформации» – не обеспечивают удовлетворяющей его переводческую совесть точности или вовсе непригодны. Техника пристального чтения, смыслового анализа и отыскания концептуально точных переводческих решений составляет существенную часть содержания книги.

Книга написана на материале шведского языка, содержит детальный анализ множества примеров и вполне отвечает жанру практического пособия. Однако шведская специфика отражается в ней не в терминах стандартных преобразований текста в текст, пригодных именно для этой пары языков, а содержательно: каково уникальное концептуальное содержание той или иной лексической единицы, конструкции, словообразовательного механизма, конвенционной или авторской языковой формы целого фрагмента? Такой подход, в основе своей когнитивный, не лингвоспецифичен. Овладение методом – концептуальным подходом к переводу – не привязано к одной-единственной паре языков. А так как все примеры и тексты снабжены переводами, кое-где также и подстрочными, и подробными комментариями, то и тот, кто не владеет шведским языком, сможет следовать за ходом изложения.

Не будет преувеличением сказать, что это едва ли не единственный опыт такого рода. Отчасти потому, что для пары «шведский – русский» пособий по переводу просто не существует, за исключением двух-трех наспех составленных компендиумов сомнительного достоинства, предназначенных для внутреннего пользования. Но главное, потому, что эта книга по своей идеологии и по способу ее практической реализации не похожа на традиционные пособия.

Практические пособия по переводу, какую бы пару языков ни взять, обычно строятся по тематическому принципу. Это пособия-инвентари, содержащие примеры и упражнения – как правило, изолированные предложения, реже – фрагменты текстов, – искусственно подобранные для натаскивания на какую-нибудь одну лексическую или грамматическую тему. По предметным разделам приводятся плоские, 1:1, глоссарии; по отмечаемым особенностям чужой грамматики – модели трансформаций, то есть шаблонных способов преобразования элементов ис-

ходного текста в элементы текста перевода. Первое ориентирует на знакомство с той или иной предметной областью, второе отсылает к сравнительной грамматике. Но ни то ни другое не имеет отношения к сущности перевода. Собственно переводческая проблематика подменяется изучением терминологии и обучением языку.

Эта книга построена иначе. Она вовлекает читателя в процесс перевода аутентичных и содержательно завершенных фрагментов и целых текстов. Предлагается скрупулезный анализ – нет, не готовых переводов (которые, разумеется, тоже приводятся), а пути к ним, на каждом его шаге: от формирования образа текста через пристальное чтение и выявление предметно-логического и концептуального содержания к порождению и отбору оптимальных вариантов перевода и созданию профессионального переводческого продукта. Каждое предлагаемое решение отрефлектировано, каждое мотивировано смысловым анализом, а не наитием мастера и не формальным применением какой-либо трансформации. Тем самым читателю предоставляется возможность овладевать техникой переводческого мышления не одним лишь путем «наглядной демонстрации» готовых результатов, а непосредственно в ходе самообнажения метода, то есть не в режиме соприсутствия, а в режиме соучастия.

Говорят, что нет ничего практичнее хорошей теории. Однако учебники по теории перевода, не говоря уже об ученых трудах, имеют слабый выход в переводческую практику: теория сама по себе, а практика сама по себе. Каждое из основных положений этой книги, взятое по отдельности, можно отыскать и в других пособиях: что перевод – это не замена чужих слов и конструкций «такими же» своими; что объектом перевода является не текст, а цельнооформленное речевое произведение; что смысл текста не сводится к его предметно-логическому содержанию; что переводчик воспроизводит смысл, а не занимается трансформацией текста. И даже не вполне ортодоксальный тезис, что ни одна лексическая единица и ни одна конструкция чужого языка не имеет концептуального эквивалента в языке перевода, то есть что ложными друзьями заполнены весь словарь и вся грамматика. Но не удается найти ни одной работы, даже на материале «больших» языков, где бы эти тезисы были сведены в нечто цельное и связное и реализованы в конкретных приложениях.

В этой книге процесс перевода опирается, конечно, на некоторые фундаментальные предпосылки, но она – не учебник по теории перевода. Теория в ней предъявлена в действии, в мотивации конкретных переводческих решений из единого «теоретического центра» – концептуального подхода к сущности перевода и переводческого мышления.

В первой части книги эта программа реализована на многочисленных, но сравнительно небольших примерах, причем теоретические моменты в ней изложены довольно подробно, но без сложного формального аппарата. В дополнение к этому в книге предусмотрен специальный раздел, содержащий справочные сведения обо всех ключевых понятиях. Многие другие понятия можно уточнить, воспользовавшись предметным указателем в конце книги. Во второй ее части разбирается перевод одного-единственного текста в полном объеме, но при этом с практически пошаговым и наглядным самораскрытием метода перевода, основанного на концептуальном анализе текста, и с демонстрацией профессионального переводческого мышления в действии.

В заключение несколько слов о переводах, выполненных автором специально для этого пособия и сопровождающих все без исключения примеры. Главные разбираемые тексты приведены с параллельными переводами в конце книги. Конечно же, эти переводы – не святое писание. Нет ничего, что нельзя было бы перевести более чем одним способом, часто – многими. И отнюдь не всегда возможен «единственно правильный» выбор: многое зависит не только от его соответствия, пусть сколь угодно полного и точного, воспринятыму переводчиком смыслу исходного текста, но и от того, что текст может давать основания для разных прочтений, от установок переводчика, в частности, избранной им стилистики, лексического регистра, стремления к близости к оригиналу или, наоборот, ориентации на читателя, и пр.

Как бы то ни было, это всегда должны быть варианты перевода, принципиально согласующиеся с оригиналом, то есть воспроизводящие полно и точно его предметно-логическое содержание и по крайней мере не противоречащие авторским интенциям. В этом смысле предлагаемые переводы профессиональны, и те, кто занимается по этой книге, могут на них ориентироваться для сравнения и критики своих собственных опытов.

О непереводимости и концептуальном подходе к переводу

- Переводи не слова, а смысл (29) ☐ Экскурс: *Не буквой единой: att göra sannolikt* (254) Перестаньте переводить! (258) • О природе переводческого мышления (29)
- Переводчик как профессиональный деформант (30)

Переводи не слова, а смысл

Итак, слово произнесено: **непереводимость**. То, что под этим скрывается, следует понимать в том и только в том сугубо ограниченном смысле, что лишь некоторые краткие сегменты текста поддаются дословному переводу, да и то лишь в лучшем случае и с оговорками. Не поймите превратно: с теми или иными потерями перевод принципиально возможен. Это не отрицается. Речь о том, что он далеко не всегда возможен «близко к тексту». В общем случае этого не допускает никакой законченный текст, даже утилитарный, и никакой фрагмент, обладающий относительной смысловой завершенностью (см. экскурс «*Не буквой единой*»). Его нельзя «перевести», заменяя слово словом, конструкцию конструкцией, а можно только с той или иной степенью полноты и точности воспроизвести его смысл. Этот смысл не равен буквальному (предметно-логическому, пропозициональному) содержанию, и его воспроизведение не может быть достигнуто готовыми средствами языка перевода, то есть путем лексических и грамматических преобразований по неким стандартным правилам. Иначе говоря, с верой в словарные и грамматические «эквиваленты», предлагаемые двуязычным словарем и сопоставительной грамматикой. Мы переводим не слова, а смысл. Не текст, состоящий из набора предложений, а содержательное и оформленное целое – речевое произведение. Эти истины следует повторять переводчику до тех пор, пока это не станет его второй натурой.

О природе переводческого мышления

Профессиональный переводчик неизменно настроен на схватывание концептуальной специфики чужих языковых форм в их отличии от «похожих» своих и на восприятие «собственной» семантики текста – специфики, постоянно заявляющей о себе трудностями подыскания сколько-нибудь точного, интуитивно удовлетворительного смыслового соответствия на языке перевода. Трудностями, нередко заставляющими идти на компромисс, а порой и вовсе не преодолимыми

без замены перевода переписыванием. Вот эта **установка на перевод непереводимого** – внимание, никакой мистики!: на воспроизведение уникальных смыслов, которые не лексикализованы и не грамматикализованы в языке перевода и не могут быть переданы в нем готовыми лексико-грамматическими средствами, – эта установка, исключающая буквализм, как раз и составляет существо «переводческого мышления».

Теперь можно снять кавычки, предварительно оговорившись: никакого особого переводческого мышления, разумеется, не существует. Но существует специфически переводческий подход к тексту, отличный от подхода читателя-носителя языка, к которому этот текст обращен изначально, перед которым задача перевода не стоит и на чье владение концептуальной спецификой родного языка (т.н. «чувство языка») и наличие надлежащих фоновых знаний автор текста мог рассчитывать. С другой стороны, подход профессионала отличается и от наивного или обывательского представления о переводе как о замене чужого слова «таким же» своим ^[4].

* * *

Таким образом, переводческое мышление противопоставляется «непереводческому» читателя-носителя языка, с одной стороны, и непрофессионала, с другой. Первый не нуждается в экспликации концептуальной специфики слов и конструкций своего родного языка, второй о ней и не подозревает, полагая, что все, что есть в иностранном языке, имеет равнозначную замену в его собственном. По сути дела, это две стороны одной медали. Языки неизоморфны. Но для носителя языка это нерелевантно, а непрофессионал этого не сознает.

*Переводчик как
профессиональный
деформант*

Отсутствие в языке перевода лексикализованных концептов, тождественных концептам исходного языка, этот **концептуальный диссонанс**, постоянно осознается опытным переводчиком и, в меру этого осознания, составляет особенность его профессионального мышления. В сочетании с укоренившейся привычкой воспринимать любой читаемый текст как подлежащий переводу, это порождает своего рода профессиональную деформацию:

Бывает нормальный читатель, а бывает читатель-переводчик. Первый читает себе, с познавательной, скажем, целью или для удовольствия. Второй то и дело спотыкается, непроизвольно прикидывая, как бы можно было перевести тот или иной фрагмент, сам по себе понятный, но вызывающим образом тревожащий его переводческую совесть. Хотя переводить этот текст ему вовсе и не надо. Нечто вроде профессионального заболевания.

Об этом как о признаке профессионализма – и не без привкуса цеховой исключительности – нередко упоминают мэтры перевода. Это, так сказать, почетная болезнь, а ее этиология – это муки творчества.

– *Trams!* [5] Такого рода ссылки на творческий характер переводческой деятельности ровным счетом ничего не объясняют, ни к чему не обязывают и не вызывают ничего, кроме раздражения. И не будь у этого «заболевания» принципиальных причин, то и говорить было бы не о чем. Однако такие причины есть, и их объяснение, как это вытекает из всего уже сказанного, прямо и непосредственно отражает сущность переводческого ремесла.

Принципиальное отличие между рядовым читателем-носителем языка и читателем, которому суждено было сделаться переводчиком, состоит именно в **установке на перевод**. У первого ее нет, у второго она сидит в подкорке – профессия накладывает свой отпечаток. Это тривиально, но имеет далеко идущие последствия. Профессиональный переводчик постоянно настроен на выявление смыслов, для воспроизведения которых у него нет готовых лексико-грамматических средств. Смыслов, которые ему нужно помыслить на другом языке, вербализуя их как бы впервые. В этом, по-видимому, и заключается «творческий» аспект перевода. Любой текст он читает с пристрастием, мысленно отмечая все то, что не поддается дословному переводу. В любом нехудожественном тексте, даже преимущественно информативном по своему характеру, такие места обычно составляют значительную часть его объема, в чем мы убедимся, разбирая тексты пособия.

Именно это, то есть по существу непереводимость, о которой уже столько сказано, заставляет его при чтении отмечать «трудные места». Нет, не те трудности, которые обусловлены незнанием какого-либо слова, какой-либо конструкции или незнакомством с предметом. Это может вызвать затруднения и у рядового носителя языка. В таких трудностях нет ничего специфически переводческого. Речь о другом. Речь о единицах чужого языка – будь то слово, фразеологизм или конструкция – которые по своей «идее», а значит смысловому потенциалу и поведению в речи (лексической и синтаксической сочетаемости), не совпадают с какими-либо единицами языка

перевода. Это могут быть и целые фрагменты, концептуализирующие ситуацию специфическим образом и характеризующиеся «авторской семантикой». Важно, что переводчик настроен на распознавание концептуальной специфики текста и понимает, что она не может быть воспроизведена в дословном переводе, что текст не равен самому себе, что он «небуквален», и потому «непереводим» – в том смысле, что его нельзя перевести «со словарем и грамматикой».

Не буквой единой

Processen går ut på att det är den som vill få uppehållstillstånd som ska göra sannolikt att han eller hon har ett skyddsbehov och därmed ska bli betraktad som flykting eller alternativt skyddsbehövande,

– говорит председательница Стокгольмского миграционного суда, отвечая в подкасте *Domstolspodden* на вопросы о порядке рассмотрения дел о предоставлении убежища. Текст сугубо информативный, отличающийся формализмом лексики и синтаксиса. По стилю – эдакий бездушный канцелярит, отвечающий требованиям строгой логичности (*предусмотрено, что если ..., то ..., из чего следует ...*) и стремящийся исключить всякую неточность, двусмысленность или, не дай бог, что-либо личное.

Казалось бы, вот пример текста, напрашивающегося на дословный перевод. Его лексическое наполнение – это термины миграционного права (*uppehållstillstånd, skyddsbehov, flykting, alternativt skyddsbehövande*), имеющие терминологические соответствия в русском языке. Его синтаксис также имеет в нем соответствующие жесткие формы.

Тем не менее, перевести дословно не удастся. Но прежде – короткая преамбула. Этот пример заимствован мною на переводческом форуме, участник которого, «запнувшись» на выражении *att göra sannolikt*, задал вопрос, как его перевести. Мой ответ – двоякий. 1. Этот вопрос связан с верной интуицией задавшего его участника. В этом выражении есть какая-то особенность, отличающая его от других выражений с «тем же» значением убедительности, обоснованности, достоверности, доказательности, аргументированности, разумного основания – список «синонимов» можно продолжить. В самом деле, законодатель мог бы потребовать от азюлянта *att övertyga, bevisa, påvisa, ge belägg för, styrka*, т.е. так или иначе ‘доказать’, – но не потребовал. Участник, задавший вопрос, по-видимому почувствовал, что перед ним специфическое словоупотребление – уже хотя бы потому, что его дословный перевод ** сделать вероятным бессмыслен*, – и прийти к заключению, что это формула правового дискурса, а не свободное словосочетание. 2. Вопрос неправильно поставлен. Это выражение нельзя «перевести», т.е. подобрать ему готовый словарный эквивалент, поскольку его концепт в русском языке, по всей видимости, не лексикализован. Конечно, в практическом опыте носителей русского языка бывают сходные ситуации и

может возникать потребность в выражении этого смысла. Но в их распоряжении нет для него готовой лексической единицы. Речь идет не об убедительных доказательствах, а об объективно правдоподобных обстоятельствах, на которые ссылается азюлянт, ища защиты. Грубо говоря, он должен сплести историю, отвечающую критериям правдоподобия с точки зрения миграционной службы, что дает ей основание принять дело о предоставлении убежища к дальнейшему рассмотрению. Акцент смешен с предъявления просителем доказательств на сообщение им обстоятельств, которые могут быть сочтены объективно возможными (реалистичными), таких, которые нельзя исключить. Все это сравнительно нетрудно выяснить по многочисленным контекстам употребления выражения *att göra sannolikt* в текстах интернета и, конечно, соотнеся его с полным текстом подкаста, т.е. практикуя тезис об отношении к тексту как к произведению.

[Полный текст здесь:

<http://old.domstol.se/Ladda-ner--bestall/Domstolspodden/Transkribering-Domstolspodden-avsnitt-5/>

Т.о., концепт 'ATT GÖRA SANNOLIKT' можно описать формулой: 'представить какое-либо положение дел так, чтобы его можно было счесть правдоподобным'. В качестве лексической единицы, однословной или фразеологической, он в русском языке не представлен, т.е. не лексикализован. В шведском это не термин, а скорее выражение терминологического типа, т.е. имеющее в переведимом тексте специальное значение, которому можно дать более или менее строгое и более или менее общепринятое в специальной литературе определение. Теоретически, соответствующее выражение могло бы быть и в русских текстах сходного содержания, но отыскать такое не удалось. Существует выражение *правдоподобные показания*, но оно вряд ли уместно применительно к интервью с просителем убежища и еще менее – в отношении его потребности в защите.

Модальность правдоподобия и есть то специфическое, что необходимо отразить в переводе, а указанный перенос смыслового акцента делает неизбежным перевод, довольно далекий от формального сходства с оригиналом: **переводи не слова, а смысл!** Вот мой вариант:

Согласно правилам процедуры, на лицо, ходатайствующее о получении вида на жительство, возлагается обязанность показать, что его потребность в защите обусловлена обстоятельствами, признаваемыми правдоподобными и тем самым мотивирующими рассмотрение вопроса о присвоении ему статуса беженца или лица, нуждающегося в защите на иных основаниях.

Внимательный читатель заметит, что в предлагаемом переводе есть и ряд других отступлений от дословности, опять-таки мотивированных необходимостью как можно более полного и точного воспроизведения не буквы, а смысла оригинала:

- * В переводе главной части всего этого сложного предложения с придаточным изъяснительным, *Processen går ut på ... att ...*, я отказался от дословного *Суть процесса состоит в том, что...* (как было предложено в одном из вариантов на форуме), так как речь идет, более конкретно, не о существе процесса представления убежища в целом, а именно и только о процедуре на начальном его этапе. Поэтому шведскому слову *process* поставлен в соответствие несловарный вариант перевода.
- * Еще один элемент, потребовавший формально несходной передачи в русском переводе, это выделительная конструкция в начале придаточного предложения: *det är den ... som ska...* Она организует рамочный смысл всего высказывания. Передать его необходимо, так как в этом выделении отражается неоднозначность описываемой ситуации: с одной стороны, обязанность представить такие обстоятельства, которые будут сочтены реалистичными и достаточными для рассмотрения прошения, лежит именно на просителе, а с другой, он не обязан что-либо доказывать. Воспроизвести этот оборот по-русски синтаксическими средствами можно лишь с помощью такого актуального членения: *обязанность показать, что ... [ТЕМА], лежит на этом лице [РЕМА]*. Но это нарушило бы тонкое равновесие, о котором я только что сказал, в сторону «доказывания» и, кроме того, запутало бы и без того тяжеловесный синтаксис всего предложения. По-видимому, шведская синтаксическая конструкция концептуально не совпадает с русской, выносящей рему в конец высказывания. Поэтому вместо формальной синтаксической передачи коммуникативной организации нужный смысл передан лексическими средствами (*на лицо, ходатайствующее ...*, *возлагается обязанность*), выражаяющими долженствование, но не «наклоняющими» ситуацию в одну сторону.
- * Громоздкое *han eller hon*¹¹ теперь регулярно заменяется гендерно-нейтральным местоимением оригинала *hen*. Переводить на русский это выражение дословно, *он или она*, нет необходимости: слово *лицо* в таких контекстах вполне

соответствует шведскому *hen*. Очевидно, что в словаре мы этого «эквивалента» не найдем.

- * Наконец, последнее отклонение от дословности связано с переводом выражения *alternativt skyddsbehövande*. Строго говоря, оно в точности соответствует принятому в праве ЕС английскому термину *subsidiary protection status*. Этот термин теперь калькирован и широко употребляется не только в шведском (*subsidiär skydd*), но и в русском языке («субсидиарная защита»). Поэтому в переводе, если стремиться к полной терминологической точности, следовало бы поставить: *бенефициар субсидиарной защиты*. Однако перевод подкаста, как изначально и сам подкаст, адресован читателю-неспециалисту, которому смысл этого термина может оказаться непонятен. Поэтому выбран не дословный вариант перевода, а более уместный с точки зрения прагматики текста, но сохраняющий, разумеется, тот общий смысл, что международная защита может предоставляться не только беженцам, но и лицам, у которых могут быть другие, «небеженские», основания. Можно предположить, что тонкое юридическое разграничение таких близких понятий, как *flykting*, *alternativt skyddsbehövande*, *subsidiär skyddsbehövande* и *skyddsbehövande i övrigt*, каждое из которых встречается в текстах данной тематики, ни к чему не служит в тексте ознакомительного характера, обращенном к рядовому читателю.

В заключение отмечу один любопытный парадокс, связанный с «переводом» разбираемого выражения. Мы видели, что с его помощью выражается достаточно сложный смысл, никак не воспроизводимый в дословном переводе. Концепт глагольного сочетания *att göra sannolikt* реализуется в контекстах этого рода уникальным образом (хотя в других может реализоваться и буквально: о факторах, делающих что-либо вероятным), и этот смысл, как уже сказано, в русском языке не лексикализован. Но этот пример вовсе не проходит по разряду т.н. безэквивалентной лексики, куда обычно относят словесную экзотику типа реалий и неологизмов или термины, еще не успевшие войти в оборот на языке перевода. Нет, мы имеем дело с самым обыкновенным прилагательным, имеющим «кочевидный» эквивалент в русском языке: *вероятный*. И тем не менее такая подача шведского **sannolik** в словаре вводит в заблуждение.

Да, действительно, шведское прилагательное употребительно в этом значении, равно как и в некоторых других близлежащих, на которые «способно» и русское **вероятный**. При всем том концепты 'SANNO-LIK' и 'ВЕРОЯТНЫЙ' отнюдь не тождественны. По-русски нельзя *сде-*

лать что-либо *вероятным*, если это «что-либо» не мыслится как событие, которое может произойти или не произойти в зависимости от многих, часто случайных, факторов. По-шведски же речь может идти о положении дел, об обстоятельствах, а не о событии – хотя бы уже потому, что идея правдоподобия заложена в его внутренней форме : *sanning* 'правда' + *likhet* 'подобие', *sannolik* 'похожий на правду'. В разобранном предложении содержится типичный для шведского языка метонимический перенос. Правдоподобна не потребность просителя в защите, а обстоятельства, которыми вызвана эта потребность: они должны быть «похожи на правду». Не зря толковый словарь шведского языка определяет это прилагательное, никак не акцентируя идею случая, вероятности в собственном смысле ('выпадет – не выпадет'), а подчеркивая идею правдоподобия: *trolig med hänsyn till föreliggande fakta* ('так действительно могло или может быть, исходя из представленных фактов'), веры на разумных основаниях: *rimlig som det finns förfnuftig anledning att tro på*.

Парадокс же заключается в том, что, постоянно указывая на невозможность дословного перевода, я вынужден в этом случае прибегнуть к буквальной поморфемной копии шведского слова: *правдо|подобный*. Тем самым я, однако, не перевожу дословно, а реконструирую «идею» слова, изначально положенную в его основу, его концептуальное своеобразие, увы, не отраженное в словаре.

* * *

*Перестаньте
переводить!*

– И при всем этом, – подумает читатель, – автор может беспрardonно вештать о «так называемых» трудностях перевода! Отчего же ему понадобилось несколько страниц убористого текста, чтобы мотивировать перевод одного предложения, и даже не слишком ветвистого? – С единственной целью, – дорогой читатель, – с единственной целью: показать, что настоящая переводческая трудность только одна, и заключается она в постоянном преодолении соблазна дословного перевода. В том, чтобы, проделав работу понимания смысла переводимого текста, отключиться от буквы оригинала – **перестать «переводить»!** – и воспроизвести этот смысл по возможности полно, точно и идиоматично. Трудна работа понимания, в общем случае – понимания того, чему в языке перевода нет

заранее заданного соответствия. Труден перевод непереводимого. Будь то на уровне лексики, грамматики или текста. Преодоление прочих «трудностей» – дело техники.

¹⁾ Кстати, участник форума, задавший вопрос о переводе сочетания *att göra sannolikt*, цитируя источник, опустил выделительный оборот *det är den som...*, а тж. заменил *han eller hon* «бесполым» *hen*, стремясь, по-видимому, «очистить» постановку вопроса. В этом экскурсе пример восстановлен по оригиналу.

Методологические дополнения

О ключевых понятиях концептуального подхода к переводу

- Концепт, идея слова, концептуализация, непереводимость (190) ▶ Кейс-стади: 'СВЕТ' (194)
- Пропозиция и значение vs. Прагматика и смысл (198)

Основу профессионального переводческого мышления составляет **настройка на концепт**, способность улавливать «непереводимое» – уникальную специфику лексических и грамматических единиц чужого языка в их отличии от «похожих» своих. Каждая из них, будь то слово или конструкция, **символизирует концепт** – целостное представление, заключающее в себе частицу общего языковому коллективу опыта освоения им своего жизненного мира.

Каким бы именем ни называть эту «сущность», – когнитивной моделью, ментальной схемой, гештальтом и т.п., – важна эта целостность, не сводимая к сумме компонентов и к определениям (пропозициям) вида «*X* есть то-то и то-то». Концепт непропозиционален, имеет не понятийную, а символическую природу. В силу этого он обладает открытым смысловым потенциалом.

Концепт уникален. Я имею в виду, конечно, не так называемые «культурные концепты», национально-специфические, вроде набивших оскомину русского АВОСЬ или шведского LAGOM (≈ 'в меру'), а концепты всех без исключения единиц языка: ни одно слово и ни одна конструкция чужого языка не имеет точного концептуального соответствия в языке перевода. В этом, а не в отсутствии чужих реалий в языке перевода и не в лакунах в словаре, заключается **непереводимость**. Понятие концепта имеет не мировоззренческое, а сугубо лингвистическое содержание: концептом обусловлены лексическая сочетаемость и грамматическое поведение единицы языка и, следовательно, все ее употребления, приемлемые для носителя языка.

Уникальность концепта, – то в нем, что не поддается парафразированию, нередуцируемое, «непереводимое» – это **идея слова** или **конструкции**. – Что она такое? – То, что оправдывает самое существование

данной единицы в языке, то, что отличает ее от других, «похожих» единиц, и ради чего она, собственно, и нужна говорящим. Ее ни в коем случае не следует смешивать со значением. Если значение соотносится с «объективным» положением дел в мире и может быть определено в форме некоторого утверждения, то идея языковой единицы – это нечто совсем иное. Ее так же нельзя «схватить» в определении, как, скажем, вкус клубники. Это присущая только ей познавательная установка, специфический подход к осмысливанию некоторого фрагмента действительности, особое «мироотношение», укорененное в опыте взаимодействия говорящих с миром. То, что они «знают» не по словарю, а по жизни. Идея языковой единицы постигается, конечно, не озарением, а, прежде всего, интроспекцией. Вместе с тем, это дисциплинированная интуиция, основанная на ситуативном знании языка, то есть условий уместности употребления языковых единиц, и поверяемая изучением контекстов и, в особенности, сопоставлением с другими, концептуально сходными единицами.

Концепт не аморфен. Он представляет собой конфигурацию элементов (параметров), – устойчивую и вместе с тем пластичную, – которая организована идеей единицы языка, его символизирующей. Собственно единство этой структуры и этой идеи и есть концепт, а слово, конструкция и, конечно, законченный текст – не плоский знак и не сосуд, а **содержательная форма**.

Идея языковой единицы обуславливает допустимые пределы эксплуатации концепта говорящим в своих целях, то есть возможности деформации его структуры и варьирования его параметров, что и создает его смысловой потенциал (см. «Кейс-стади» ниже). Именно она обуславливает (но, разумеется, не предопределяет) уместность употреблений этой единицы в том или ином смысле. Применительно к задачам перевода это значит, что, эксплуатируя концепт, говорящий способен порождать многочисленные частные значения, в том числе, совершенно не похожие на словарные и требующие нестандартных (неконвенционных) средств выражения в переводе. Эти значения есть результат разных **концептуализаций**, то есть того конкретного способа, каким идея языковой единицы реализуется в ее структуре: какие параметры оказываются в фокусе внимания, а какие уходят на второй план; какова природа элементов концепта; каков выбор точки зрения, с которой вос-

принимается описываемая ситуация, и другие т.н. когнитивные операции. Можно сказать, что **концептуализация есть приданье ситуации смысла говорящим**.

Таким образом, единицы языка, – как лексические, так и грамматические, – это своего рода когнитивные рамки для осмысленной ориентации говорящих в мире. Язык с этой точки зрения предстает как единый лексико-грамматический континуум, а не как инвентарь бессмысленных форм, которые случайным образом – читай, в силу конвенции – соединились с бесформенными смыслами. Значение принадлежит не слову и не конструкции, а говорящему – возникает в результате его смыслового усилия, выражющегося в тех или иных когнитивных операциях над их концептами. Разумеется, я не отрицаю того очевидного факта, что за словом «в знаковом порядке» закрепляется ряд омертвевших или конвенционализированных смыслов. Именно их инвентаризируют словари, предлагая тем самым ограниченный набор «эквивалентов», которые сплошь и рядом никак не соответствуют конкретной смысловой реализации концептов и не годятся для подстановки в перевод.

На понятии концептуализации следует остановиться особо: оно регулярно употребляется в этой книге в связи с мотивацией тех или иных неконвенционных значений, обнаруживаемых в текстах разбираемых примеров, и, соответственно, нестандартных переводческих решений. Концептуализация может пониматься двояко: 1. как деформация схемы концепта и/или присвоение его параметрам тех или иных значений; 2. как осмысление одной и той же объективной ситуации в терминах «сходных» концептов.

Первое порождает частные смысловые реализации концепта, т.е. разные значения, оставаясь в пределах, допустимых его идеей. В языке перевода могут при этом отыскаться как готовые эквиваленты из числа словарных значений, хотя подставимым далеко не всегда будет «первое» или «главное», так и эквиваленты, не учтенные словарем, если концепт употреблен говорящим в неконвенционном значении. Но нередко приходится подыскивать совершенно нестандартные средства перевода, если в исходном тексте актуализуется не частное значение, а уникальная идея слова как таковая, в чистом, так сказать, виде. Например, шведское слово *gång*, концепт которого подробно анализируется в связи с разбором перевода текста "Sluta låtsas att en klassisk regering är

“möjlig”, в одних употреблениях удовлетворяется словарным эквивалентом *компания* или *банда*, в других – отсутствующим в словаре, но вполне пригодным в соответствующем контексте и легко отыскиваемым словом *бригада* или жаргонным *шобла*. Но если, как в указанном тексте, оно употреблено «в сугубом смысле», – в точном соответствии со своей идеей, – то перевод какими-либо готовыми средствами вообще невозможен.

Концептуализация второго рода предполагает осмысление ситуации в терминах так называемых синонимов. В действительности идеи этих единиц никогда не бывают одинаковы. Один и тот же объект, скажем, *kniv* ‘нож’, может быть охарактеризован как *vass* и как *skarp*, и оба шведских выражения «сойдутся» в неотрефлектированном русском переводе по словарю: *острый нож*. Тем не менее, смысл этих выражений не одинаков: *en vass kniv* – это именно острый нож, в собственном смысле, т.е. хорошо заточенный; *en skarp kniv* – это нож, готовый к эффективному употреблению (хорошо режет, хорошо приспособлен в качестве оружия и т.п.). Разумеется, он тоже острый, но в фокусе внимания скорее его действенность, полное соответствие назначению, чем острота, заточенность в физическом смысле.

Можно ли передать концептуальное различие между *vass* и *skarp* в переводе? Другими словами, что можно противопоставить буквальному переводу, чтобы «отразить» специфику *skarp*? Простым атрибутивным прилагательным не отделаться: его в русском языке просто нет. Ведь идея шведского *skarp*, как и идея *gång* в приведенном выше примере, в русском языке не лексикализована. Нужно будет либо удовлетвориться указанием на то, что нож ‘хороший’, т.е. написать *отличный* / *превосходный* / *профессиональный* и т.п. *нож*, в некоторых случаях, возможно, жаргонное *крутой* (например, *en skarp outfit* «крутой прикид»), либо дополнительно конкретизировать, указав на его назначение, например, *отличный охотничий* / *боевой* / *хирургический* / *сапожный* / *мясничьи ножи* и т.п., нисколько не заботясь об «остроте»: это его качество существенно, но оно подразумевается здесь само собой, и можно обойтись без отдельного указания на него. Тем не менее, смысловая потеря, пусть и малозначительная, неизбежна: ведь точного концептуального эквивалента со слиянием признаков ‘острый’ и ‘пригоднодейственный’ (последний вообще трудно уловить в сколько-нибудь точном определении) в языке перевода нет.

Кейс-стади

Чтобы читателю все сказанное выше не казалось чересчур абстрактным, приведу одну полную иллюстрацию к понятию концепта, взятую для наглядности из лексического арсенала русского языка. Речь пойдет о концепте существительного **свет**.

По своей структуре, как уже говорилось, концепт представляет собой конфигурацию параметров, организованную идеей слова (или конструкции), тем, ради чего он и лексикализован (или, соответственно, грамматикализован) в виде уникальной языковой единицы. Конфигурация концепта СВЕТ включает, как минимум, следующие параметры (они выявляются содержательным анализом корпуса употреблений этого слова):

- ① Источник света
- ② «Материя» света (световая субстанция)
- ③ Канал распространения
- ④ Освещаемое место
- ⑤ Экспериенцер (реципиент, наблюдатель)

В концепте СВЕТ отчетливо проявлена базовая образная схема ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ *. В силу этого распространение света может описываться в терминах прохождения пути: свет *исходит, проходит, доходит, достигает, проникает* и т. п.

То обстоятельство, что свет представляет собой текучую субстанцию, подобную воде и песку (свет льется, заливает, хлынул, проливается, струится; волна света, световой поток и т. п.), объясняет, почему свет – неисчислимое существительное. Поэтому оно сочетается с такими словами количественной оценки, как много, мало, достаточно и пр. Текучесть подтверждается метафорикой света (см. примеры выше).

Словарь русского языка вполне обоснованно толкует *свет* как то (излучение), что делает окружающий мир видимым. Это – идея слова или, если угодно, функциональная доминанта концепта. Она непременно отражает положение говорящего в языке: концепт «заязан» на человеке. Стоит оговориться поэтому, что объективистская ссылка словаря на ‘излучение’ представляется не вполне удачной: следовало бы вместо термина употребить что-то более наглядно связанное

с тем, как представляется человеку распространение света (например, на наивных изображениях солнца – желтый круг с расходящимися во все стороны лучами).

Именно идея слова определяет все возможности (границы) прагмасемантической эксплуатации концепта СВЕТ. Перечисленные выше параметры концепта варьируются в очень широких пределах, но лишь до той границы, которая задана его функциональной доминантой. И именно ею обусловлена и богатая метафорика света (помимо уже приведенных иллюстраций к метафоре СВЕТ – ЭТО ТЕКУЧАЯ СУБСТАНЦИЯ): СВЕТ – ЭТО ВЕРХ (представленный солнцем, светилами, Богом, небом); ТЬМА – ЭТО НИЗ (то, что в земле, преисподня, ад). Благодаря свету мы различаем предметы и ориентируемся – т. е. знаем: УЧЕНЬЕ, ЗНАНИЕ – ЭТО СВЕТ, НЕУЧЕНЬЕ – ТЬМА.

Варьированием природы параметров объясняются, возможно, и различия в грамматическом поведении слова *свет*. У него две формы локатива: *в свету, на свету* vs. *в свете, на свете, при свете*, а может быть и две формы генитива: *с того света* vs. *сжить со свету, Свету!* (просторечн.; партитив). Можно думать, что форма *в свете* представляет собой, так сказать, собственное, а *в свету* – несобственное употребление. В каком именно смысле? – Ср. *на доме* и *на дому*, где первое выражение буквально (*На доме водружены флаги*), а второе – функционально (*У него на дому произвели обыск*). *В свете, при свете* актуализирует наличие света как такового и освещаемое им место (видимый в нем объект), а *в свету, на свету* – «канал» (*«окно», проем* и т.п.), через который свет проходит.

Вот некоторые концептуализации СВЕТа, выводимые, как кажется, из его конфигурации путем когнитивных операций над концептом и в пределах, допустимых его идеей:

1. ‘субстанция, позволяющая видеть окружающий мир’ · *свет лампы, в лучах света*
2. ‘проем’ · *в свете*
3. ‘общество’ · *в свете*
4. ‘утро’ · *до света, с первым светом*
5. ‘электричество’ · *платить за свет*
6. ‘любимый человек’ · *ты мой свет*

7. 'смысл жизни' · свет в окошке
8. 'освещение' · включать, выключать, гасить свет
9. 'истинное знание' · свет учения, истины; свет с Востока
10. 'мир, сущее' · в целом свете, на свете
11. 'особое видение мира' · в свете идей X:a (осуществляет категоризацию: нечто в таком свете понимается особым образом)

Все эти и другие возможные «значения» возникают вследствие операций над исходной схемой концепта. При таком подходе получается не инвентарь разрозненных значений, а связная сеть, в которой единство концепта сохраняется, обеспечиваемое ненарушимостью идеи слова. В ходе концептуализации – т. е. в процессе порождения значения – говорящий варьирует параметры концепта. Например, параметр 'источник света' может быть самой разной природы – естественный (солнце, луна, звезды, молния, заря, огонь) и искусственный (костер, специальные осветители, факелы, лампы и пр.); источником света может быть третья сила (Бог, ангелы, святые; высокое учение, высокая культура – цивилизация), некоторые эмоциональные состояния (любовь, радость), человек. Это открывает «безграничные» возможности прагмасемантической эксплуатации концептов. Сказанное в равной мере относится и к конструкциям, а не только к лексике языка.

А вот некоторые «идиосинкразии» существительного *свет*, тоже получающие свое объяснение на основе анализа его концепта. Так, ^{??} *свет огня* вряд ли приемлемое выражение в силу тавтологичности такого употребления, так как огонь и есть свет, световая субстанция. В конструкции *свет от огня* слово *огонь* означает источник (костер, пожар, фонарь), в силу чего это выражение допустимо. А вот редкий случай употребления слова *свет* во множественном числе: «А мы, мудрецы и поэты, / хранители тайны и веры, / унесем зажженные светы / в катакомбы, в пустыни, в пещеры...» (В. Брюсов). Такое возможно только для «штучного» (исчисляемого) употребления в значении 'светильник', 'источник света'. Любопытно и то, что свет, в отличие от собственно текущих субстанций, таких как вода или песок, не существует сам по себе, отдельно от своего источника. Он не может *вытекать из* какого-л. места (сосуда или контейнера), его нельзя запасать и хранить (содержать) в чем-л. Он, следовательно, нематериален, откуда и «вытекает» вся его метафизика.

Сопоставляя *свет луны* и *сияние луны* и другие аналогичные пары, можно прийти к выводу, что сияние исходит от трансцендентного источника, а не от физического, иными словами, это превращенная форма света, являющегося не столько субстратом видения, сколько манифестиацией (благодатной) сущности. Его коннотации – непостижимость, небесность, таинственность, потусторонность, чудо. Тем самым концептуальный подход хорошо справляется с различием синонимов.

* * *

В свете этого примера (⊕) должно быть ясно, как именно мыслится концепт, его структура и его функциональная доминанта – идея слова, и как его может эксплуатировать говорящий, порождая множество значений. С точки зрения перевода выбор этого примера интересен тем, что он хорошо иллюстрирует уникальность концепта, его несоответствие какому-либо лексикализованному концепту в другом языке – даже в том случае, когда два слова, чужое и свое, выглядят очевидными синонимами.

В шведском языке нет лексикализованного концепта, тождественного русскому СВЕТ. Концепт слова *ljus*, кажущегося само собой разумеющимся соответствием русскому *свет*, может реализоваться лишь в трех значениях из всего этого множества, что доступны русскому концепту. Большинства из них он не «покрывает», по-шведски их нужно воспроизводить другими лексико-грамматическими средствами. Носителю шведского языка специфика русского концепта, порождающего такие немотивированные с его точки зрения значения, как 'среди людей' и 'высшее общество' (*давно ж ты не был в свете*) или 'утро, рассвет' (*еще до света*), может быть непонятна. И наоборот, шведское слово *ljus* может употребляться в значениях, отсутствующих у русского *свет*. К их числу относятся, в частности, 'свеча', 'светильник'** 'светлая голова'.

Что же отличает идею СВЕТ'а от идеи LJUS'а? Они же выглядят совершенно одинаково, хотя различия в смысловом потенциале этих концептов и даже в грамматике слов *свет* и *ljus* свидетельствуют об обратном. Мне представляется, что в фокусе шведского концепта – видимый свет, свет как таковой, а русского – то, что освещено. Но это, разумеется, только гипотеза.

Профессиональный переводчик должен быть постоянно настроен на схватывание идеи слова. Когда чужое слово прочувствовано им как свое, все его словарные значения, часто далеко отстоящие друг от друга и кажущиеся несвязными, приобретают единство. И только тогда переводчик понимает, на что способно это слово в речи, и может уверенно найти подходящий к случаю и допустимый его идеей «эквивалент», даже если ничего пригодного в словаре нет.

* * *

Несколько слов о других ключевых понятиях концептуального подхода.

Выше говорилось о непропозициональной природе концепта. В контексте этого пособия это значит, что он не является утверждением о мире, не отсылает ни к каким условиям истинности, не есть значение и не имеет значения. Иначе говоря, он не может быть сведен к набору **пропозиций**, то есть логически «безукоризненных» утверждений или суждений о каком-либо предмете, которые можно оценить как объективно истинные или ложные. Разумеется, всякий концепт имеет пропозициональный «слой», но в нем всегда есть неразложимое ядро *** – то, что я здесь называю идеей слова или конструкции, – доступное говорящим только эмпирически, в их опыте взаимодействия с миром. Можно говорить о концепте любви, но вряд ли о понятии любви: «Любовь есть то-то и то-то», скажем, «чувство глубокой привязанности» (так в словаре), «высокое чувство из шести букв» или «это значит … блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи».

Смысл высказывания в общем случае не совпадает с его пропозициональным, предметно-логическим содержанием. **Смысл** – это, вероятно, одно из самых часто встречающихся слов в этой книге. Он противопоставлен значению (оно же «объективное») содержание, референциальное, пропозициональное, поддающееся парадигматизму, существующее на условиях истинности и т.д. и т.п.). Он, как уже сказано, не сводим к набору пропозиций. Смысл текста – это содержание, «погруженное в жизнь», то есть в условия существования этого текста. Они, во-первых, определяются авторскими установками (если в тексте проявлено авторское начало), либо жанрово-стилистической конвенцией (если это «технический» текст в широком смысле слова). Во-вторых, они определяются экологией текста: его погруженностью во внешние

обстоятельства и связями с другими текстами (т.е. внелингвистический контекст и интертекст, соответственно).

Иначе говоря, **текст, лишенный прагматики** (если бы таковой мог существовать), **не имеет смысла**.

Таким образом, смысл понимается не как пропозициональное, т.е. объективное, предметно-логическое содержание ряда высказываний, а как выраженная теми или иными средствами – и не всегда одинаково удачно – смысловая позиция, интенция, автора. А она включает и **прагматику** – обстоятельства, в которые погружена речь: *кто говорит? кому? в каком тоне? с какой целью? какие общие знания* (бэкграунд, реалии), необходимые для взаимопонимания, *говорящий предполагает у адресата*, – т.е. апелляцию к фоновому знанию, нередко интертекстуальному, и всевозможные модальности, оценочные компоненты смысла, и коммуникативный аспект, т.е. расстановку акцентов, фразовые выделения, интонационные ходы, и мн. др.

Прагматика имеет дело не с тем, как слово или конструкция «отражают» действительность, не со значениями, а со смыслами – всем тем, что «заявлено» на человеке: с позицией говорящего, его отношением к собственным словам и к адресату, с их взаимодействием и целями коммуникации, с ситуацией общения. Можно сказать, что ее интересует «разыгрывание» символических единиц языка говорящими в конкретной речевой ситуации.

-
- * Одна из фундаментальных схем непосредственной организации нашего телесного и перцептивного опыта, таких как ВМЕСТИЛИЩЕ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, ВЕРХ-НИЗ, РАВНОВЕСИЕ, СВЯЗЬ и др.
 - ** Цитированное выше употребление русского *свет* в этом значении, т.е. как исчисляемое существительное, – это всего лишь курьез, «творческий» изыск, сугубо авторская деформация схемы концепта. Иногда это называют поэтической вольностью.
 - *** За исключением разве что сугубо однозначных интернациональных терминов вроде *ампер* или *нейтрино*.

Предметный указатель

аббревиатуры · см. сокращения
актуальное членение · 111, 159, 256,
см. тж. коммуникативная организа-
ция
безэквивалентная лексика · 51-59, 63-
67, 165, 257
буквализм · 27-33, 38, 43, 46, 78, 90-91,
95, 106, 116, 134, 141, 149-157, 160,
165, 175, 179, 182-184, 193, 235, 257-
261, 264, см. тж. дословный перевод;
перевод: «близко к тексту»
вульгарный · 115, 117, 180
доброкачественный · 90, 117, 143, 147,
153, 161, 172, 203, 265
на уровне синтаксиса · 137, 180
преодоление · 97, 105, 90-91, 116, 144,
149, 258
при нераспознании идиом · 142, 147
словарных значений · 25
внутренняя форма · 51-53, 57, 73, 89,
105, 143, 147, 200, 258, см. тж. содер-
жательная форма
языка · 186, 274
двуязычный словарь
специальные словари · 218, см. словари;
словарь двуязычный
деконструкция · 114, 212, 262-264, см.
тж. пристальное чтение
дословный перевод · 32-34, 46, 76, 89,
93, 97, 133, 156, 252, 265
«сохранение» лексического состава ·
46, 78, 115-116, 149, 208, 275
принципиально ограничен · 10, 23, 29,
52, 77, 80, 86, 90, 253, 258
жанр и стиль · 10, 26-28, 67, 73, 77, 113,
123, 127, 131-133, 140, 198, 230-232
как содержательные формы · 107, 202
закономерные соответствия · 103, 116,

см. тж. трансформации; регулярные
соответствия
значение · 33, 36, 68, 93, 191
«сложение» значений · 35, 110, 141,
146, 163, 172, 176, см. тж. компо-
зиты
«главное» · 25, 55, 61, 88, 93, 169, 192,
214, 272, 274
vs. смысл · 35, 43, 80, 106, 160, 191,
198, 254
грамматическое · 154
как концептуализация · 41, 96, 98,
191, 262, 265
контекстуальное · 36-38, 116, 171, 230,
264
как возникает · 44, 62, 273
метафорическое · 57, 92, 140, 144, 157,
260-263
метонимическое · 178, 236
миф о зависимости от контекста · 36,
97, 146, 265
незакрытое множество · 34, 68
общее · 89
окказиональное · см. контекстуальное
отсутствующее в словаре · 21, 169
первое · см. «главное»
переносное · см. метафорическое
порождается в акте речи · 23-24, 37,
40, 65, 196
словарное (конвенционализированный
смысл) · 25-27, 33-35, 38, 42, 66, 78,
91, 132, 168, 185, 198, 207, 213
терминологическое · 64-66, 162, 170,
178, 215, см. тж. терминология: вы-
ражение терминологического ха-
рактера
частное · 48, 51, 58, 61, 69, 105, 191,
213, 262-264, 268

игра слов · 83, 110, 154, 200, 260
идея слова · 10, 23-25, 31-33, 37-38, 42-44, 51, 57, 61, 66-70, 73, 88-92, 105, 132, 157, 185, 190-198, 214, 258, 265, 271-272
нередуцируемое ядро смысла · 190, 198
имена и названия · 76, 111, 124, 126, 131, 137, 157-158 162, 219
отсутствие официального перевода · 168
интуиция · 18, 42, 124, 187, 191, 234, см. тжс. ментальный тезаурус; чувство языка
роль · 18
источники информации · 126, 204, см. тжс. поиск решений
каламбур · 73, 83, 261, 266, см. тжс. игра слов
коммуникативная организация · 106, 108-111, 160, 199, 206, 212
композиты · 110, 129-131
≠ сумма компонентов · 144, 176
калькирование · 171, 176
концептуальное отличие от свободного словосочетания · 162
логическое отношение между компонентами · 129, 173
непрозрачность · 176
несловарные · см. композиты: окказиональные
окказиональные · 122, 129, 145, 162-168
с одноосновным эквивалентом · 176
контекст · 36-40, 64, 110, 146, 265
внелингвистический · 37, 40, 278, 199, 228
контекстуальные соответствия · 36, 50, 70, см. тжс. значение: контекстуальное
контекстуальное
контекстуальный тренинг · 42-43, 97, 110
лакуны · 132, 190
лексическая единица
отсутствие в словаре · 21, 36, 63, 82, 103, 140, 149, 228, 263, см. тжс. лакуны; композиты: несловарные
的独特性 · 30, 52, 55, 64, 151, 165
ментальный тезаурус · 47, 95, 145, 153-155, 234-238
безэквивалентность · 12, 22, 66, 67, 110, 144, 165, 252, 262, см. тжс.
безэквивалентная лексика
композита · 162
не вербализованный в языке перевода · 25, 31-35, 39, 48, 51, 55, 67, 87, 110, 144, 165, 184, 193, 197, 255, 257-262, 270, 275, см. тжс. концепт:
уникальная специфика
непереводим · 35, 51, 87
различение концептов «синонимов» · 43, 52, 172, см. тжс. синонимы
смысловой потенциал · 23, 39, 44, 59, 116, 132, 141, 273
текста · 32, 54, 73, 77
уникальная специфика · 10, 23, 24, 30, 35, 48, 55, 64, 92, 230, 252-254, 257-260, 270
эксплуатация говорящим · 24-25, 33, 37-40, 50
концептуализация · 32, 40, 41, 61, 70, 92, 93, 162, 179, 184, 191-196, 253, 265, 271
концептуальное содержание · см. содержание: концептуальное; см. тжс. смысл
концептуальный подход · 11, 16, 33, 38, 186
термины теории · 17, см. гл. «О ключевых понятиях»
концептуальный тренинг · 42-43, 97, 110
лакуны · 132, 190
лексическая единица
отсутствие в словаре · 21, 36, 63, 82, 103, 140, 149, 228, 263, см. тжс. лакуны; композиты: несловарные
的独特性 · 30, 52, 55, 64, 151, 165
ментальный тезаурус · 47, 95, 145, 153-155, 234-238

- метафора · 28, 34, 37, 43-45, 77, 80-83, 85, 89, 93-95, 110, 148, 151, 179, 195, 201, 260-263
 неуместная реализация · 142, 150, 153
 стергая · 25, 44, 261
- метонимия · 25, 37, 50, 87, 92, 141, 146-147, 153, 178, 204, 253, 258, 274
- мифы теории перевода · 97
 о зависимости значения от контекста · см. значение: миф о зависимости о контекстуальных соответствиях · 36
 о понятии дословного перевода · 46
 о различии подходов к переводу художественных и нехудожественных текстов · 200
 об эквивалентности · 24
- неизоморфность · 22, 24, 48, 65, см. тжс.
 концепт: безэквивалентность
- неологизмы · 38, 64, 162, 172, 257, 277
- непереводимость · 10, 19, 23-24, 30-36, 42, 52, 55, 65-67, 72-74, 87, 92, 98, 110, 116, 124, 153-155, 176, 187, 190, 201, 232, 259, 264
 ≠ безэквивалентность · 63
 на уровне лексики · 23
 на уровне текста · 26
- обзорное прочтение · 97, 108-112, 113, 123-124, 126, 133, 143, 148
- образ текста · 12, 26, 78, 97, 108, 112, 117, 138, 148, 182, 202, 212
- окказиональные соответствия · 36-38, 67-70, 275, см. тжс. контекстуальные соответствия
- парафразирование
 и непереводимое · 190
 как средство экспликации содержания · 35, 80, 95, 162
- перевод
 «единственно верный» · 203, 214, 279
 «творческий» аспект · 10, 38-40, 233, 266, 278
 близко к тексту · 27, 29, 46, 89, 110, 116-118, 147, 210, 261, см. тжс. буквализм: доброкачественный
 дословный · 10, 23, 26, см. дословный перевод
 итеративность · 75, 133, 181
 концептуальный подход · см.
 объект перевода · 12, 97, 205, см. текст как произведение
 полнота и точность · 11, 17, 27, 35, 46, 55, 77, 109, 115-116, 135, 139, 151, 156, 165, 173, 181, 203, 212, 227, 233-234, 257
 стадии процесса · 12, 97, 105
 сущность · 10-12, 16, 22, 30-31, 74, 98, 205
 трудности · см. трудности перевода
- переводческая проблематика · 21, 103, 186, 211, 233
 подмена · 12, 31, см. тжс. трудности перевода
- переводческий анализ текста · 12, 112, 129, 131, 211
 концептуальный · 13, 42, 48, 97, 187, 196, 236, см. тжс. смысловой анализ; см. тж. разд. "Экскурсы в концептуальный анализ"
 традиционный · 107
- переводческое мышление · 13, 19, 22, 30-33, 37-38, 63, 77, 124, 190, 260
 «настройка» на концепт · 37, 42-43, 74, 77, 106, 124, 190
 vs. переводческая компетенция · 64, 103, 187, 207
 постановка · 10, 16-18, 42, 186, 205, 233
 установка на «непереводимое» · 10, 22, 30-31, 62, 74, 98, см. тжс. непереводимость
- переводчик как редактор · 129, 154, 174, 182, см. тжс. текст: неполноценный

пересказ · 53, 73, 80, 114, 200-201, 236,
см. тж. парадигмирование

подстрочник · 73, 75-78, 85, 114, 237,
см. тж. парадигм; пересказ
как прием · 145

поиск решений · 11, 21, 36, 47, 57, 62-
70, 82-84, 89, 96-98, 106, 109, 111-116,
126, 135, 141-150, 152-177, 204, 214-
217, 222-230-236

правматика · 10, 28, 35, 43, 50, 62, 66,
73, 75, 106, 120, 128, 138, 146, 159-
160, 199-201, 203, 227, 234, 253, 257,
270

параметров концепта · 44, 70, 106, 191

прагматическая погрешность · 24

прагматическое осложнение предмет-
ного содержания · 260

предметно-логическое содержание · см.
содержание: предметно-логическое

пристальное чтение · 11, 12, 73, 79, 97,
113, 124, 128

для развития «чувств языка» · 42

как техника понимания · 11, 12, 79,
113, 128, 212, см. тж. переводчес-
кий анализ текста; смысловой ана-
лиз

тренировка · см. концептуальный тре-
нинг

пропозициональное содержание · см.
содержание: пропозициональное

пропозициональные установки · 113,
см. правматика

пропозиция · 23, 26, 73-77, 80, 87, 190,
198

распознавание · 21, 85, 103, 110, 279

аллюзий · 81, 142

модели композита · 145

скрытых цитат · 84, 94-95

терминов · 110, 164

фразеологизмов · 132, 142-152, 179-
181

реалии · 21, 51-54, 65, 81, 84, 94, 158,
190, 257

регулярные соответствия · 67, 103,
205, 208, см. тж. закономерные соот-
ветствия; трансформации

речевое произведение · см. текст как
произведение

синонимы

концептуально отличны · 24, 38, 52, 69,
105-106, 117, 134, 172, 187, 193,
197, 202, 254, 264, 275

словари · 213-225

словарь двуязычный

как ограниченный инвентарь конвен-
циональных значений · 21, 25, 29, 35,
39, 48, 59, 65, 69, 103, 110, 155, 172,
192, 257, 262-265

как собрание ложных друзей · 12, 35,
98, 105, 213, 260

не схватывает «идею слова» · 25, 34,
41, 44, 52, 57, 61, 68, 88, 91, 132, 156,
187, 257, 260, 270, см. идея слова

общие словари · 137, 164, 216-221

словари-посредники · 112, 145, 152,
163-166, 177, 217

специальные словари · 103, 163, 167,
177, 221

словарь одноязычный · 147, 152, 153,
223, 225

толковый словарь и «идея слова» · 46,
57, 61, 69, 92, 144, 153-156, 172,
175, 214, 252, 258, 270

фразеологические, синонимические и
др. · 69, 126, 135, 145, 149, 153-155,
174

сложные слова · см. композиты

смысл · 16, 23, 36, 98, 106, 109-115, 143,
198, 204, 233

vs. предметно-логическое содержание
· 12, 26-29, 72, 106, 160, 198, 208,
260

и прагматика · 27, 41, 50, 68, 73, 75, 128, 159, 160, 192, 199, 227, 262

смысловое намерение говорящего · 33, 37-40, 44, 48, 70, 81, 95, 106, 114, 146, 174, 182, 199, 203, 264, 278, см. тж. концепт: эксплуатация говорящим

смыловой анализ · 11, 22, 37, 43, 62, 133, 140, 186, 211, 237

содержание

- воспроизведение на языке перевода · 115
- как оформленный смысл · см. содержательная форма
- концептуальное · 11, 12, 16, 37, 54, 77, 84, 92, 95, 162, 211
- неавторское · 26-28, 77, 201
- парафразируемое · 80, 85, 198, 236
- прагматическое · 35, 209
- предметно-логическое · 12-13, 26-27, 72, 75-77, 102, 108, 128, 199-200, 202, 225
- пропозициональное · 26-29, 80, 106, 198

содержательная форма · 10, 26-28, 107, 191, 200, 202, см. тж. внутренняя форма; образ текста

сокращения · 111, 122, 124, 126, 136, 178, 224

текст

- авторский · 10, 16, 20-32, 73-77, 84, 102, 108, 121, 154, 198-200, 262
- анонимизированный · 26, 75, 77, 200, см. тж. содержание: неавторское
- неполноценный · 93, 109, 111, 156, 182, 205, см. тж. переводчик как редактор
- нехудожественный · 26, 31, 72-75, 85, 102, 111, 131, 162, 200-201, 218, 260, 266
- общего характера · 124, 275, 278
- публицистический · 10, 27, 102, 121-123, 166, 174

специальный · 21, 27, 51, 109, 124, 163, 214, 227

технического характера · 28, 51, 72-75, 85, 123, 175, 198, 231

утилитарный · 10, 26-27, 200-201, 203

текст как произведение · 10, 12, 26, 29, 35, 40, 73, 75-77, 80, 85, 97, 102, 108, 186, 201, 212, 233, 255, см. тж. образ текста; содержательная форма

терминология · 12, 28, 51, 63-67, 80, 103, 109, 112, 117, 124-127, 135-141, 155-184, 207, 215, 231-232, 257

альтернативные эквиваленты термина · 279, 163, 179

выражение терминологического характера · 25, 40, 64-66, 135, 255, 268, 280

источники · 214, 220-221, 226-228

неоднозначность терминов · 24, 66, 164, 215

техника перевода · 11, 84, 106, 113, 119, 186, 210

≠ владение набором приемов · 12, 84, 98, 113, 211

как преодоление «непереводимостей» · 11, 35, 62, 74, 98, 186, 230, 232, 259, см. непереводимость

как техника понимания · 11, 16, 43, 54, 75, 79, 83, 85, 106, 108, 113-115, 126-128, 146, 170, 202-204, 207, 212-214, 225, 230-232, 259, см. тж. пристальное чтение; переводческий анализ; смысловой анализ

поиск решений · см.

трансформации · 10-11, 16, 23, 26, 89, 92, 98, 103-116, 139, 168, 176, 183, 205-211, 236-237, см. тж. регулярные соответствия; закономерные соответствия

трудности перевода · 17-24, 29, 54, 68, 94, 97, 103, 109, 124, 149, 163, 175,

186, 258

истинная природа · 22, 31, 64, 74, 98, 105, 258

чувство языка · 18, 30, 42, 58, 106, 110, 114, 124, 150, см. тж. интуиция; перевodческое мышление: «настройка» на концепт

чужое слово

концептуальная специфика · 10, 26, 30, 42, 51, 87, 91, 105, 165, 252, 264, см. тж. концепт: не вербализованный в языке перевода

непереводимость · **23-24**

эквиваленты · см. концепт: безэквивалентность

контекстуальные · см. значение: контекстуальное

концептуальные · 12, 98, 193

словарные · 25, 35, 50-51, 66, 88-92, 98, 156, 193, 208, 227, 231-232, 235, 252-254, см. тж. значение: словарное; значение: частное

эллипсис · 28, 53, 79, 82, 92, 130-132, 139-141, см. тж. метонимия